

306 м
ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

На ст. жел. д. 20 коп.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 46

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915
12 НОЯБРЯ

Рис. Ре-ми.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ.

Коквцевъ и Витте, уйдя въ отставку, были возведены въ графское достоинство. (Справка.)

Чиновникъ: — Судьба, батенька, не всѣхъ одинаково балуетъ: одни получаютъ по графской коронѣ, другіе — просто по шапкѣ.

За послѣднее время все рѣже и рѣже вспоми-
нають о Государственной Думѣ.

Депутатъ Фирсъ: — А меня-то, законодателя, и забыли... Эхъ, недотепы!

СМЕРТЬ И ЖИЗНЬ.

2.

Раскаленную пыль
Клубили черныя ноги;
Осиновый стучаль костьль,
Шла старуха по знойной дорогѣ.
Тысячи лѣтъ съ виду была,
Примѣтно, что не убогая просто;
Подъ березой отдохнуть легла —
На березѣ бѣлая почернѣла берѣста.
У костлявыхъ разутыхъ ногъ
Скоробило побѣгъ за побѣгомъ,
Завяль голубой цвѣтокъ,
Словно овѣянный снѣгомъ.
Пролеталь неугомонный чижъ,
Желтый отъ солнечнаго свѣта
Съ Древней едва поравнялся лишь
И упалъ и умеръ недалеко гдѣ-то.
Гнѣзда не придется вить
Веселой маленькой птицѣ...
Захотѣла Старая пить,
Спустилась къ озеру за водицей.
Заглянула въ прозрачность воды,
И уснули серебряныя рыбы,
А сколько бы карасей въ тотъ годъ
Рыбаки наловить могли бы!..
Гналъ коровъ мальчуганъ пастухъ,
Встрѣтился съ Древней,
Дѣтскій взоръ и померкъ и потухъ —
Станутъ искать дитя всей деревней...
За черную власть
Калѣку старуху
Будетъ мать со слезами клясть
Къ сердцу приникать родному и не вѣрить
уху.
А Древняя уже вдали
Смотритъ хмуро и черно;
Слушаетъ, какъ въ глубинахъ земли
Прорастаютъ злачныя зерна.

Осиновый стучить костьль
По знойной дорогѣ,
Подымають раскаленную пыль
Костлявыя ноги...

Валентинъ Горянскій.

Р А Б С Т В О.

(Прогнозъ близкаго будущаго.)

Мы почти враги. Онъ смотритъ свысока. Я смотрю снизу
вверхъ. Онъ сидитъ на тронѣ своемъ, покоящемся на рес-
сорахъ, и держитъ въ рукахъ своихъ бразды правленія: онъ
извозчикъ. Я стою передъ нимъ, ибо я даже не сѣдокъ, а
лишь кандидатъ въ сѣдоки.

Я почтительно снимаю шляпу и говорю:

— Можетъ быть, уважаемый лошадеправитель согла-
сится взять меня на Петропавловскую улицу?

— Мнѣ не по пути! — небрежно кивнувъ головой на мое
привѣтствіе, сухо отвѣчаетъ онъ.

— Да позволено мнѣ будетъ спросить — куда вамъ по
пути?

— На Лиговку.

— Это будетъ мнѣ не по пути.

— Я не настаиваю на томъ, чтобы вы были моимъ по-
путчикомъ.

Я почтительно снимаю шляпу:

— Ваше великодушіе, о, лошадеправитель, трогаеть
меня до слезъ!

— Пожалуйста, безъ сантиментовъ!.. Меня этимъ вы
не подкупите. Если вы согласны ѣхать со мной на Лиговку,
оплативъ этотъ конецъ по моему усмотрѣнію, то я, попивъ
тамъ, въ трактирѣ «Золотая вѣтка», чаю, пожалуй, отвезу
васъ на Петропавловскую.

— Почему бы вамъ не попить чаю по пути? — началъ я
сдаваться.

— Вы, вѣроятно, также имѣете излюбленное кафѣ?

— Да, — потупя голову, отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ, видите!.. Въ «Золотой вѣткѣ» я встрѣ-
чаю моихъ друзей и... кассирша тамъ не вредная бабочка!..
Вѣдемъ?

На разстояніи двухъ видимыхъ и трехъ невидимыхъ родовыхъ не было ни одного извозчика, а трамваи шли съ навѣшанными пассажирами, горбомъ вырисовывавшимися на фонѣ вагона.

— Ёдемъ, — вздохнулъ я.

— Семь гривенъ до трактира, угощеніе: три полпорціи — ваше, и оттуда на Петропавловскую — полтора цѣлковыхъ. Согласны?

— Согласенъ!

— Садитесь.

Я сѣлъ и, по старой привычкѣ сѣдока, крикнулъ:

— Ну, пошелъ!

Онъ повернулся ко мнѣ лицомъ.

— Во-первыхъ, не нукать: я нукаю лошадь, а меня нукать нечего!.. во-вторыхъ, что за тонъ?! Пора бросить крѣпостническія замашки. Хочу — ёду, не хочу — не ёду!.. Хочу ёду во весь опоръ, хочу — шажкомъ... Поняли?

— Виноваты!

Поѣхали. На первомъ же поворотѣ онъ остановилъ лошадь.

— Слѣзайте!

— Почему же?.. Вѣдь я извинился!

— Я и простилъ васъ... У меня выпалъ изъ руки кнутъ — подымите его.

Я запротестовалъ:

— Это не входитъ въ мои обязанности сѣдока!

— Я просилъ бы васъ не вступать со мной въ пререканія!.. Не забудьте: мнѣ вѣдь все равно нужно въ «Золотую вѣтку», а вамъ, вѣдь, туда только по пути.

— Да, по пути! — скрипнувъ зубами, сказалъ я, соскакивая за кнутаомъ.

— Спасибо, — милостиво бросилъ онъ и тронулъ лошадь.

— Не за что! — сердито буркнулъ я, — держите его крѣпче.

Онъ остановилъ лошадь и обернулся:

— Не учите! терпѣть не могу, когда меня учатъ!.. Я держу кнутъ ужъ десять лѣтъ... Поняли?

— Понялъ.

Поѣхали и пріѣхали въ «Золотую вѣтку». Поставили лошадь у колоды и задали ей ячменя. Вошли въ домъ.

— Заказывайте!

Я позвалъ мальчишку. Пока онъ пробирался между столиками, у меня мелькнула мысль: выйти на дворъ и взять извозчика, уже попившаго чаю.

Я пошелъ къ двери.

— Куда?! — окликнулъ меня мой «повелитель».

Я сдѣлалъ видъ, что не слышу.

— Эй, вы, куда?! Вѣдь, напрасно!

Я обернулся:

— Тамъ видно будетъ.

— Уже видно: я приказалъ дежурному дворнику безъ меня не выпускать васъ со двора... Вы не бунтуйте, хуже будетъ: я не поѣду и никто не поѣдетъ!..

Дѣлать было нечего: покорился. Сѣлъ рядомъ съ нимъ и заказалъ чаю.

— Помогите мнѣ снять армякъ.

Помогъ.

— Пойдите къ кассиршѣ и скажите, что я ее люблю.

— Сами скажите.

— Опять бунтуете?!

— Да нѣтъ, не бунтую, а просто думаю: въ дѣлахъ любви посредники не нужны.

— А я хочу.

Повиновался. Услышалъ въ отвѣтъ:

— Убирайся съ нимъ вмѣстѣ къ чорту!

Добросовѣстно передалъ ему.

— Ишь, ты, заноза какая!.. Подари ей колечко: сразу смягчится.

— Какое колечко?

— Чтò у васъ на мизинцѣ.

— Мое?... Это мнѣ память... Да оно золотое, съ рубиномъ...

— Не хотите?

— Нѣтъ... Мнѣ больше смысла вызвать таксомоторъ.

— Ну, и поѣзжайте на моторѣ!.. съ Богомъ!.. Мнѣ такихъ жильниковъ сѣдоковъ не нужно!.. Если не уважаете извозчика, если не можете оказать вниманія его любимой женщинѣ — проваливайте... И радуйтесь, что вамъ боковъ не намаяли!..

Я повернулся.

— Э, уплатить нужно!.. Семь гривенъ, какъ рядились, да за чай...

Уплатить и тихо побрелъ. На Петропавловскую я дошелъ, переночевавъ въ гостиницѣ (идти домой — пришлось бы дѣлать крюкъ), на завтра.

Позорный торгъ чернокожими невольниками уже запрещенъ. Можетъ быть, со временемъ, запрещеніе коснется и бѣлыхъ невольниковъ, проданныхъ въ рабство извозчикамъ. Будемъ надѣяться, что и для сѣдоковъ настанетъ свобода передвиженія по улицамъ столицы!.. Исидоръ Гуревичъ.

МОЛОДЫМЪ ПИТАМЪ.

Трещите сладко вы, какъ глупыя стрекозы,
Но въ сторону отъ васъ, направилъ я стопы;
Возами на Парнасъ вы волочите розы,
А я туда несу: занозы и шипы.
Вы смотрите на міръ, какъ маленькія дѣти,
И знаю, снятся вамъ лишь розовые сны, —
Но я смотрю на міръ съ обратной стороны,
И видѣть все привыкъ лишь въ мрачномъ, черномъ цвѣтѣ...
Ахъ, сбросьте, господа, кривлянія личину!
И дайте что-нибудь: — помимо грезъ и розъ;
Ищите вы во всемъ начальную причину,
Кто розу возрастилъ, скажите-ка?! — навозъ!
Вотъ, видите — навозъ, а вы поете розу,
Вѣдь, стало быть, навозъ: начало — всѣхъ началъ?
Свезите жъ на Парнасъ навозу хоть полвоза,
Чтобъ Аполлонъ въ саду, зажавши носъ, кричалъ!!
Вѣдь нашъ слѣпой Парнасъ не внемлетъ нашимъ вздохамъ,
Онъ розовъ и цвѣтетъ въ улыбкахъ пышныхъ грезъ...
Стегните-ка, друзья, боговъ чертополохомъ,
Плесните на Парнасъ хоть бочку жгучихъ слезъ!!

Михаилъ Андреевъ.

Рис. В. Л.

— Кто тебя такъ изукрасилъ?

— Колька...

— Дай его адресъ, ради Бога, — я его въ Эрмитажъ реставраторомъ пристрою.

ДИКАНЬСКІЕ ВЕЧЕРА.

Размечталась Горпина у вишневаго сада,
Вдаль ушла и легла у рѣки, у межи, —
За варшавскимъ изданіемъ «Маркиза де-Сада»,
За романомъ «Въ чаду картъ, любви и ханжи...»

Черной коптою дышитъ полдневная хмара.
Пахнетъ острою нефтью у озера пляжъ.
Злыдни-бабы въ тѣни волостного ангара
Моютъ кости дѣвчинъ, наводнившихъ гаражъ.

Говорятъ, что вчера на «Фарманѣ» Вакула
Для Маріськи привезъ изъ Москвы «Ундервудъ»;
Что «Нефть» Нобеля биржу вчера всколыхнула;
Что за стерлинги въ банкахъ 140 даютъ;

Что Солопій на юдѣ семь тысячъ устроилъ;
Что держать Манташевскія нынѣ «не сласть»,
Что и «Лена» теперь (сколько бѣ «Лондонъ» ни стоилъ)
При такой конъюнктурѣ имѣеть упасть...

Старики собрались у Тарасовой хаты,
О поставкахъ ведутъ дѣловой разговоръ:
— У меня въ Копенгагенѣ дюжина ваты...
— Вамъ не надо три тысячи держаныхъ шпоръ?

Вотъ на «Бенцѣ» чабанъ пригоняетъ скотину.
Для биплановъ маякъ зажигаетъ фонарь.
На прогулку Остапъ вызываетъ Горпину.
Спитъ Диканька, вдыхая и копотъ и гарь.

Только пишетъ мыслете веселый Каленикъ.
— Что мнѣ головы?.. Н-ннѣтъ, ты сперва докажи!..
Не дала ему баба ни спирту, ни денегъ, —
И у вѣдьмы Солохи ни капли ханжи.

Рѣетъ «Блеріо» гдѣ-то, далеко... И винтъ же!
Попадетъ къ головѣ за дебошъ подь арестъ...
... И рѣка, и луна, все, какъ есть у Куинджи,
Только Гоголь теперь — не узналъ бы сихъ мѣстъ.

Евг. Вѣнскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Веселый полумѣсяцъ.

Приспособливая страну къ оборонѣ, турки частичные боевые маневры перенесли на засѣданія парламента.

Какъ сообщаютъ газеты:

Въ турецкомъ парламентѣ произошло побоище.
Нѣсколько депутатовъ избили Ахметъ Риза-Бея, пожелавшаго новому министру иностранныхъ дѣлъ Халиль-Бею говорить правду въ отличіе отъ прежняго, приведшаго Турцію къ катастрофѣ.
Риза-Бей арестовали.

Если оттоманское правительство будетъ арестовывать всѣхъ битыхъ турокъ, каково будетъ положеніе всего команднаго состава турецкой арміи?..

Теплый пріемъ.

Всякое развлеченіе, устраиваемое нѣмцами въ нейтральныхъ странахъ, кончается какъ свадьба сапожника: разбитыми стеклами и полиціей.

Банкетъ, устроенный германцами въ Букарестѣ, вызвалъ большую тревогу. Толпы гражданъ, несмотря на грубое вмѣшательство полиціи и военныхъ патрулей, швыряли камнями въ гостей и проводжали послѣднихъ свистомъ и гикомъ.

Если на каждого гостя пришлось меньше, чѣмъ по цѣлому камню, проводы вышли не достаточно оживленными.

Институтская наивность.

Оставляемъ на отвѣтственности „Южн. Края“ его свѣдѣнія о слухахъ, циркулирующихъ въ Харьковѣ въ связи съ отставкою мѣстнаго попечителя.

П. Э. Соколовскій, какъ сообщаютъ намъ, уволенъ въ отставку безъ пенсіи и безъ назначенія на какую-либо должность ни по учебному ни по другому вѣдомству. Между прочимъ, въ имѣніи г. Соколовскаго въ Остзейскомъ краѣ, принадлежащемъ собственно супругѣ его, бывшей Вогау, двое сыновей которой служатъ въ рядахъ германской арміи, былъ произведенъ обыскъ. Говорятъ, что результатомъ этого осмотра и явилось именно такое исключительное отношеніе властей къ г. Соколовскому. Послѣдній однако доказываетъ въ настоящее время, что онъ не былъ фактическимъ хозяиномъ въ имѣніи

Рис. А. Юнгера.

УДИВИТЕЛЬНЫЯ ВРЕМЕНА.

Лекція профессора студентамъ-грузчикамъ.

своей жены и потому не знал о некоторых сооружениях и приспособлениях.

Мы не знаем, что это были за „сооружения и приспособления“, но как мог быть назначен на пост попечителя округа человек, который способен смешать бетон с бетоном и амбразуру с амброзией...

Чудеса в ршетях.

„Биржев. Вѣд.“ пишутъ:

Почетный мировой судья в Ригѣ, Карль фонъ-Ренненкампфъ судился за оскорбление слѣдователя по дѣламъ Везенбергскаго уѣзда, Кленскаго. Послѣ произведеннаго слѣдствія о сокрытіи при реквизиціи лошадей, при допросѣ, на вопросъ слѣдователя о лѣтахъ, К. фонъ-Ренненкампфъ отвѣтилъ, что неужели это самый важный вопросъ в дѣлѣ. По подписаніи протокола фонъ-Ренненкампфъ сказалъ: „Я не хотѣлъ произносить этого слова, но свинство, что каждый хулиганъ можетъ обвинять“. Судъ приговорилъ фонъ-Ренненкампфа къ 75 р. штрафа, съ замѣной мѣсяцемъ ареста, оправдавъ в оскорбленіи слѣдователя.

Схематизируемъ:

Слѣдователь — русский.

Фонъ-Ренненкампфъ — изъ нѣмцевъ.

Нѣмецъ назвалъ русскаго хулиганомъ.

Русскій судъ оправдалъ нѣмца в оскорбленіи русскаго.

Надѣмся, что нами тутъ ничего не убавлено и не прибавлено.

Венгерская кровь.

Венгерская газета „Pester Lloyd“ сообщаетъ о бытовомъ явленіи в Будапештѣ.

„Вслѣдствіе господствующаго в столицѣ недостатка в молокѣ, около молочныхъ ежедневно происходитъ страшная давка. Послѣ ссоры, происшедшей в одной очереди передъ лавкой центрального молочнаго кооператива, дождавшаяся дѣвушка была убита неизвѣстнымъ, выстрѣлившимъ в нее изъ револьвера“.

Никто не будетъ спорить противъ того, что поступокъ неизвѣстной съ дѣвушкой — наиболѣе радикальный способъ для уменьшенія очереди у лавокъ.

Надоѣло человѣку ждать, вынулъ человѣкъ револьверъ и уложилъ шестерыхъ впереди себя; глядишь, и продвинулся ближе.

Все къ лучшему.

Можетъ быть, кому-нибудь нижеприведенный діалогъ покажется дикимъ; тѣмъ не менѣе, этотъ діалогъ — сама жизнь.

— Отчего у тебя такой свѣжій видъ?

— Потому что в Петроградѣ нѣтъ шиповъ, употребляемыхъ для ковки лошадей.

— При чемъ тутъ шипы?

— Безъ этихъ шиповъ лошади по обледенѣлой землѣ не могутъ идти.

— Да тебѣ-то что до этого?

— Такъ если онѣ не могутъ идти — какъ же онѣ могутъ перевозить дрова.

— Какія дрова?

— Тѣ самыя, которыя доставляются на электрическую станцію.

— Какое же отношеніе ты имѣешь къ электрической станціи?

— Къ станціи никакого, но благодаря отсутствію дровъ, освѣтительная энергія очень уменьшилась...

— Ну?

— И рестораны в видахъ экономіи свѣта закрываются в 11¹/₂ часовъ вечера.

— А тебѣ-то что?

— Какъ мнѣ-то что? Вѣдь ты спрашиваешь, почему у меня такой свѣжій видъ?.. Именно потому, что я по ресторанамъ пересталъ шататься.

Можетъ быть, кому-нибудь приведенный разговоръ покажется искусственнымъ?

Въ такомъ случаѣ, приведемъ дѣловой отрывокъ изъ газеты:

Что касается топлива, то градоначальникъ рекомендуетъ его всѣчески экономить, такъ какъ подвозъ дровъ по желѣзнымъ дорогамъ оставляетъ желать многого. Мало того, разгрузка вагоновъ съ доставленными уже в Петроградъ дровами сопряжена съ большими затрудненіями. Перевозка же на лошадяхъ дровъ представляется чрезвычайно трудною вслѣдствіе недостатка в Петроградѣ шиповъ, употребляемыхъ для ковки лошадей в зимнее время. Эти шипы придаютъ лошади на обледенѣлыхъ путяхъ извѣстную устойчивость.

И, глядя на свѣжее лицо бывшаго ресторанныго завсегдатая, какъ не воскликнуть: что ни дѣлается — все къ лучшему!!...

Ключи счастья.

Одинъ московскій кинематографическій журналъ пишетъ такой „отвѣтъ“ в своемъ почтовомъ ящикѣ:

„Петроградъ. Графу А. Мы вамъ не вѣримъ. Доставьте отъ А. Куприна подписанный имъ сценарій, тогда переведемъ. Мы еще не забыли подписи карандашемъ“.

Судя по этимъ немногимъ, но внушительнымъ строкамъ, моральные устои графа А. находятся далеко не на той высотѣ, къ которой обязывалъ бы его титулъ.

Читатель, вы знаете, кто такой графъ А.?

Многіе изъ васъ знаютъ, но некоторые и не знаютъ.

А языкъ у насъ такъ и чешется — сказать, произнести эту фамилію... Да ужъ Богъ съ нимъ. Окружный судъ сдѣлаетъ это за насъ.

Идиллія рыболова.

Нѣтъ ничего скромнѣе, умнѣе и хитрѣе англійскаго моряка.

Разставили они в морѣ особыя стальныя сѣти, усѣлись на бережку, курятъ трубочки.

Попадается в сѣти одна германская лодка, пѣтихоньку вытаскиваютъ ее, молчатъ; другая — вытаскиваютъ, молчатъ, третья — то же самое: ни радостныхъ криковъ, ни оповѣщеній по всему свѣту.

Долго не могли понять нѣмцы, куда дѣваются подводныя лодки, темное дѣло, подводное: чортъ его разберетъ.

Вдругъ — взвыли:

Германское правительство разослало нейтральнымъ государствамъ весьма любопытную ноту, в которой протестуетъ противъ англійскаго способа истреблять нѣмецкія подводныя лодки.

Англійскіе моряки ставятъ в морѣ особыя стальныя сѣти, которыя автоматически ловятъ вражескія подводныя суда.

Германское правительство протестуетъ противъ подобнаго способа уничтоженія врага и жалуется, что команда каждой лодки, попавшей в сѣть-капканъ, непременно гибнетъ отъ недостатка воздуха.

Косвенно в этой нотѣ протеста Германія признается, что англійскими стальными сѣтями поймано уже 27 нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ.

А хладнокровные рыболовы даже не спорятъ: сидятъ молча на берегу, курятъ трубку и, когда особые звонки дадутъ знакъ, что рыба попалась, ее спокойно вытаскиваютъ. Ждутъ дальше.

Какъ пріятно имѣть такихъ людей союзниками и какъ непріятно — наоборотъ.

Страшная драма.

Поздно вечеромъ в одинъ изъ участковъ столицы явилась молодая прилично одѣтая дама, назвалась г-жей Б. и заявила, что она в Петроградѣ потеряла и не можетъ найти: мужа, собачку, вещи и комнату, в которую перѣехала. В доказательство Б. предъявила оставшійся у нея ключъ отъ запертой комнаты. В столицѣ Б. никогда не была, пріѣхала съ юга. Во всѣ участки дана телеграмма съ просьбою помочь Б. найти снятую ею комнату и освободить запертыхъ в ней мужа и собачку.

Мы не знаемъ, чѣмъ кончилась эта страшная драма, но предположить можно: в припадкѣ голода запертый мужъ съѣлъ собачку и в первый же моментъ освобожденія побѣжалъ в консисторію — разводиться съ женой.

НУ И ВРЕМЯЧКО.

Гдѣ-то, возлѣ Брынска града,

Жилъ когда-то Воробей,

Распѣвавшій средь вѣтвей

Слаще меда-лимоннада.

То былъ вѣкъ богатырей.

Мы теперь такихъ не сыщемъ.

Звалъ себя и Воробей,

Сверхмогучимъ Воробыщемъ...

Въ наше время крупныхъ кражъ

И свирѣлыхъ спекуляцій,

Сданъ въ архивъ безъ апелляцій

Историческій куражъ.

Нѣтъ гордыни, — хоть убей!

Всякъ в толпу пугливо жметса,

И разбойникъ-Воробей

Воробейчикомъ зоветса...

Евг. В.

Н А Т А Ш А.

Это была настоящая нераздельная любовь, на одномъ полюсѣ которой было чувство искренняго восторга, умиленія и заискиванія, а на другомъ плохо скрываемое презрѣніе, подозрительность и масса другихъ характерныхъ чертъ, проявленіе которыхъ сдерживалось извѣстнымъ тактомъ.

Представителемъ первыхъ чувствъ былъ я, выразительницей вторыхъ — Наташа. Я думаю, что обостренности нашихъ отношеній очень и очень сильно способствовала не столько моя злая воля, сколько простое неумѣніе обращаться съ пятнадцатилѣтней женщиной. Не только Наташа, а самая выдержанная и культурная дѣвушка могла бы считать себя обиженной, если бы въ теченіе дѣлаго дня ее поднимали на воздухъ, тискали, трепали маленькія тугія косицы, перевязанныя голубыми лентами, лѣзли къ ней съ самыми нелѣпыми вопросами и, въ довершеніе всего, врываются бы въ ту комнату, гдѣ она передъ грядущимъ сномъ сидѣла и мылась, при помощи няньки и губки, въ большомъ тазу съ теплой водой...

— Што ты ко мнѣ пристаешь? — иногда со вздохомъ спрашивала Наташа, выведенная изъ себя моимъ нахальствомъ.

— Я же тебя люблю, — пытался я оправдать свою навязчивость.

— А какъ любишь?

— А такъ люблю...

— А маму любишь?

— Чью маму?

— Мою маму.

— Твою? — Я зналъ, что если я скажу ей положительный отвѣтъ, она успокоится и перестанетъ обращать на меня вниманіе. — Твою маму, нѣтъ. Она старуха.

— Мама не старуха, — хмуро парировала она слабо направленный ударъ, — а тебя я не люблю.

— А почему, Наташа?

Наташа подымала на меня большіе черные глаза, всегда смотрѣвшіе на все съ недоумѣніемъ и любопытствомъ, осматривала и, желая уклониться отъ неприятной темы, переводила разговоръ въ другое русло.

— А вотъ кошка пришла...

— И кошка — старуха... — упорно стоялъ я на своемъ.

Повидимому, это упорство начинало заинтересовывать и самое Наташу. Искоса поглядывая на меня, она обращала мое вниманіе на какую-нибудь постороннюю разговорную вещь. Чаще всего — на игрушку, которыми она, сидя въ эти діалогическія минуты на полу, была окружена.

— А вотъ — слонъ...

— И слонъ — старуха.

— А домикъ?

— Домикъ? Вотъ этотъ, изъ котораго кукла торчитъ? Тоже старуха.

Сознавая, что это хуленіе всѣхъ близкихъ ей людей и вещей ведется исключительно противъ нея, и понимая, что меня трудно переспорить, Наташа пыталась искуснымъ ходомъ сбить меня съ твердой позиціи. Немного помолчавъ, она наклоняла голову на бокъ, какъ котенокъ, прислушивающійся къ свистку, и спрашивала:

— А кто не старуха?

— Я!

Повидимому мой безысходный цинизмъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ удручающе; не въ силахъ будучи бороться съ нимъ единолично, Наташа пыталась бѣжать за подкрѣпленіемъ къ нянькѣ или матери. Во время попытокъ быстро встать съ пола, изъ кармана капотика выпадала или выпрошенная на кухнѣ, считавшейся избраннымъ и любимымъ мѣстомъ тайныхъ прогулокъ, чищеная морковь или кусокъ яблока. Карманное сокровище быстро подхватывалось мной, и я всячески дѣлалъ видъ, что собираюсь его уничтожить.

— Дядя, — умоляюще произносила Наташа, — это же мое...

— А я съѣмъ.

Наташа безпомощно оглядывалась по сторонамъ.

— А я маму позову.

— Маму ударю.

— Маму? Мою маму?

— Я такихъ мамъ десятками бью...

— Какъ?

— А такъ ужъ. Поставлю двадцать мамъ и каждую по головѣ.

Мое неудержимое безстыдство начинало серьезно пугать Наташу: въ концѣ концовъ все мое поведеніе явно подтверждало весь ужасъ моихъ обѣщаній. Слезливо моргнувъ, она отодвигалась къ дверямъ и пугливо поглядывала на меня.

— А папа придетъ...

— Папѣ ноги оторву...

— Какъ же папочка безъ ножекъ будетъ... — съ любопытствомъ спрашивала Наташа.

— Да ужъ такъ, на рукахъ будетъ ходить...

— На рукахъ? А я?

— А тебя изъ окна выкину.

— А зачѣмъ?

Конечно, обосновать этотъ предполагаемый планъ дѣйствій было довольно трудно, и я просто запутывалъ ходъ будущихъ событій.

— Такъ. А потомъ домъ подожгу.

— Какъ?

— Возьму спичку, зажгу. Все спорить.

— А гдѣ обѣдать будемъ?

— Ты будешь съ Пунькой, въ собачьей конурѣ...

— Пунька собака, а у меня мама.

— Все равно, у тебя потомъ хвостъ вырастетъ.

— Я пойду къ нянькѣ.

— И у няни хвостъ вырастетъ. Большой. Пушистый.

Уже идущая съ десяткомъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ къ нянькѣ, Наташа останавливалась на дорогѣ и, смятенная грядущими событіями, робко спрашивала:

— А у тебя?

— У меня не будетъ. Я хорошій.

* * *

Весь ужасъ былъ въ томъ, что Наташина мать была моею родной сестрой; никакіе уговоры не портить характеръ ребенка ни къ чему не приводили.

— Ты что къ ней привязываешься?

— Люблю.

— Ты какъ-нибудь съ ней по-другому разговаривай...

Я шель къ Наташѣ и начиналъ разговаривать не задирая ее. Она невнимательно слушала, потомъ съ кряхтѣньемъ подымалась съ пола, забирала часть игрушекъ и уходила.

— Ты куда же?

— Въ садикъ. Скучно съ тобой.

— Ну вотъ видишь, — говорилъ я ея матери, — она убѣгаетъ отъ меня.

— А ты подойди, поцѣлуй ее тихонько...

— Это неинтересно. Мнѣ хочется, чтобы она разговаривала...

— Ты что ребятъ, что ли, не видѣлъ? Слава Богу двадцать шесть лѣтъ человѣку...

— А почему она къ тебѣ идетъ, ласкается, а ко мнѣ нѣтъ?

— Такъ ты ее или тискаешь, или дразнишь...

Я охотно принималъ всѣ эти совѣты для сближенія съ Наташей; но ничего изъ этого не выходило. Принесенная игрушка вызывала, правда, взрывъ восторга, но на другой день она почему-то откладывалась въ сторону.

— Ты почему же, Наташа, не играешь съ медвѣдемъ? — вѣжливо освѣдомлялся я, — развѣ онъ тебѣ не нравится?
 — Нѣтъ, — откровенно отвѣчала она, — нехорошая.
 — А почему?
 — Твой. Дядькинъ.
 — А почему же онъ нехорошій?
 — А почему ты маму ругаешь?
 — Я не ругаю.
 — Нѣтъ, ругаешь. Ты уйди. Я играть хочу.
 — Значить, я тебѣ мѣшаю? Да?
 — Да, — отвѣчала она, не подымая глазъ, — ты поганый.

— Я поганый? Кто это тебя научилъ?..

Наташѣ было вспомнить трудно, кто ее научилъ этому слову. Значительно легче было сдѣлать это мнѣ: третьяго дня я такъ опредѣлилъ одну изъ ея куколь, желая завязать долгій разговоръ.

— Ты уйди, — просяще говорила она въ концѣ, — пойди на кухню.

И, вспоминая мои угрозы, добавляла:

— Къ Пуныкъ. Въ конуру. Тамъ обѣдать будешь...

* * *

Такъ проходила наша совмѣстная жизнь съ Наташей. Съ одной стороны, взрослое существо, желавшее всячески войти въ довѣріе и самыми невѣрными путями добивавшееся этого, съ другой стороны, существо лютѣе, относившееся сухо и враждебно ко всѣмъ этимъ неумѣлымъ попыткамъ.

Не знаю, сколько времени тянулось бы это неопредѣленное состояніе, если бы не одинъ случай, сдѣлавшій Наташину любознательность съ моей тихо работающей и легко испулимой фантазіей и повлекшій долгій и ненарушимый миръ.

* * *

Въ одиннадцать часовъ ночи Наташа проснулась и потребовала для какихъ-то объясненій мать. Воспользовавшись случаемъ лишній разъ посмотрѣть на нее, я вошелъ въ спальню, полутемную комнату, съ маленькимъ ночникомъ въ углу, слабо освѣщавшимъ бѣлую кроватку Наташи.

— Это я, Наташа. Я пришелъ.

— Мамочка... — плачущимъ голосомъ пискнула Наташа.

— Мамы нѣтъ, Наташа.

— А гдѣ?

— Въ гости уѣхала...

— Мамочка...

— Спи, спи, Наташа... Хочешь, я тебѣ сказку разскажу?

Она немного подумала и снисходительно разрѣшила.

— Разсказывай. Только большую, чтобы волки были, и Пуныка, и мама...

Я взялъ стулъ, поставилъ его къ кроваткѣ и сѣлъ; въ темнотѣ я видѣлъ съ какимъ любопытствомъ на меня смотрятъ немигающіе черные глаза.

— Жиль-быль волкъ. Приходить онъ къ Пуныкъ...

— А какъ приходитъ?

— Такъ. Черезъ огородъ.

— А тамъ заборъ...

— Ага... заборъ... Спи, спи, Наташа, всѣ спятъ.

— А кто спитъ?

— Пуныка спитъ, няня спитъ, — для убѣдительности и желая пополнить разнообразный ассортиментъ спящихъ, я неосторожно добавилъ, — зайцы спятъ...

— А гдѣ они спятъ?

— Въ лѣсу.

Повидимому заячій бытъ давно уже интересовалъ Наташу. Последніе остатки прерваннаго сна сразу покинули ее, и она больше вынырнула изъ-подъ одѣяла.

— А какъ они спятъ?

— Да такъ. Ляжетъ такой заяцъ и спитъ.

— А подушки у нихъ есть?

— У зайцевъ? Подушки? Нѣтъ

— А какъ же безъ подушковъ?

— Лапу подложить и храпить.

— Заяцъ храпитъ?

— Заяцъ.

— И кроватокъ нѣтъ?

— Нѣтъ. Прямо на листочкахъ, въ норкѣ.

— А холодно?

— Холодно. Терпитъ. Поѣстъ и спитъ.

— А что поѣстъ? Молочко?

— Капусты поѣстъ. Дадутъ ему и сѣсть.

— А кто?

— Мать дастъ.

— Зайцева мама? А у него есть мама?

— Есть.

Слѣдя собственнымъ соображеніямъ о всякой мамѣ, Наташа спросила:

— А въ гости зайцева мама ѣздитъ?

— Ѣздитъ.

— А какъ зайцы въ гости ѣздіють?

— Соберутся и поѣдутъ.

— На лошадекъ?

— Бѣгомъ. Всей семьей — и старый заяцъ, и зайчиха, и зайчата.

— А они поють?

— Кто поють?

— Зайцы.

— Поють.

— А какъ?

— Сядетъ подъ дерево, взмахнетъ лапкой и запоетъ.

— А что поетъ?

— Пѣсни разныя.

— А какія?

— Разныя, говорю. Заячьи.

— А Пуныка поетъ?

— Поетъ. Сидитъ въ конурѣ и поетъ.

— А у зайцевъ конфеты есть?

— Есть.

— А какія? Изъ капусты? Сладкія?

— Сладкія.

— Дядя, дай конфетку...

— Спать, спать надо, Наташа... Поздно. Завтра проснешься, въ ванночкѣ тебя купать будутъ...

— А зайцевъ купаютъ?

— Купаютъ.

— А какъ?

— Возьмутъ зайченка за хвостъ и въ воду.

— А ему не больно?

— Зайченку?

— Зайченку.

— Нѣтъ. Привыкъ. Спи, спи, Наташа...

— А завтра разскажешь о зайцахъ?

— А я какой?

— Ты?

— Да я. Поганый?

Наташа подумала и почти увѣренно отвѣтила:

— Ты хорошій. А зайцы поганые?

— Зайцы тоже хорошіе. Спи. Закрой глазки и спи.

Наташа закрыла глаза и пролежала такъ нѣсколько минутъ. Когда я осторожно приподнялся со стула, чтобы незамѣтно уйти, она съ трудомъ приоткрыла правый глазъ и шопотомъ спросила:

— А зайцы...

— Что зайцы, — также шопотомъ переспросилъ я, убирая стулъ.

— А зайцы...

Большой черный глазъ упрямо закрылся.

* * *

На другой день утромъ, когда я еще спалъ, кто-то зацарапался ко мнѣ въ дверь.

— Кто тамъ? — спросилъ я, закутываясь въ одѣяло.

Отвѣта не было.

— Кто тамъ?

— Впусти дядя...

Дверь приоткрылась. Сначала показалась Наташина голова, съ упругими косичками, торчавшими въ разныя стороны, потомъ рыжая голова подареннаго мной медвѣдя, потомъ вся Наташа, съ клеенкой на груди.

— Ты что, Наташа?

Она посопѣла носомъ и конфузливо осмотрѣлась.

— Пришла съ добрымъ утромъ сказать...

— А еще что? — попытался я смутно догадаться о цѣляхъ этого неожиданнаго прихода.

— О зайцахъ разскажи...

— А ты меня любишь?

Она почему-то вздохнула, ткнула медвѣдемъ въ косякъ и, поднявъ на меня глаза, съ достоинствомъ произнесла.

— Люблю. И ты меня любишь.

* * *

Съ этого момента миръ былъ восстановленъ.

Арк. Буховъ.

Рис. Мис.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ виду того, что мировая война, вопреки нашимъ предположеніямъ, еще далека отъ окончанія, мы, къ сожалѣнію, не можемъ дать 3-ей изъ обѣщанныхъ премій — „Бордовой книги“.

Отсутствіе этой преміи редакция компенсируетъ новой, не менѣе цѣнной преміей, представляющей собою иллюстрированное изданіе „Анатомія и физиологія человѣка въ изученіи и толкованіи Новаго Сатирикона“. Что касается 2-й преміи („Самоновѣйшій письменникъ съ приложеніемъ самоучителя танцевъ“), то эта премія будетъ разослана въ ноябрь с. г.

ВЪ ПАНОПТИКУМЪ.

(Провинція.)

Онъ яркое пятно среди ларьковъ базара —
Надъ входомъ флаговъ сѣтъ и красочный плафонъ,
Кричащій спектръ афишъ, облѣзлыхъ статуй пара,
А гдѣ-то въ глубинѣ развязный граммофонъ:

— «По улицамъ ходила
Балшая кракадила
Она-а-а... весьма
Зеленая была!..»
Внутри же, какъ въ гробницахъ,
Уныло и темно,
И виденъ ужасъ въ лицахъ,
Истершихся давно...
Фигуры восковыя
Въ стеклянныхъ колпакахъ
Страдаютъ не впервые
Отъ плѣсени въ углахъ
И равнодушно слышатъ
Тупыхъ претензій нить:
— А почему не дышать —
Позвольте васъ спросить?...
— Отъ сырости, мадама!..
Что вгодно, господинъ?
Дочь Фараона? — Прямо,
А это «Капуцинъ»...
— Самъ вижу, что не клумба,
А это што за типъ?..
— Простите — «бюстъ Колумба»,
А это-сь » «Нильскій грибъ!..
Какъ будто пыль отъ хартій
Сумѣвши отряхнуть,
Открытъ на мертвой картѣ
Вселенной мертвой путь —
Отъ «близнецовъ Сиамъ»,
До «Ручки Золотой»...
«Агромная программа
Поставлена впервой!»
А вдоль стѣны мигаютъ
Рядъ щелочекъ-огней,
Внутри ихъ протекають
«Событїи новыхъ дней»..
«Сраженіе подъ Львовомъ»,
«Въ бою англійскій флотъ»,
«Прїѣздъ на фронтъ Гучкова» —
Какъ будто все и ново,
Но скрытый смыслъ не тотъ...
Австрійцы въ красныхъ фескахъ
Бѣгутъ чрезъ сѣти рововъ,
Ихъ всадники въ черкескахъ
Разятъ со всѣхъ концовъ,
И, какъ примѣръ героямъ,
Величественъ, какъ шкваль,
Несется передъ строемъ
Самъ «Бѣлый Генераль»...
Довольно, впрочемъ, мило,
Оправившись отъ ранъ,
Самъ адмираль Корниловъ
Гоститъ у англичанъ,
А папа Пій десятый,
Противникъ вѣчный злу
Посмертно спутавъ даты,
Вильгельму шлетъ булу...

Онъ яркое пятно среди ларьковъ базара,
Наряденъ, какъ паяцъ, и, какъ паяцъ, смѣшонъ,
Но гордъ онъ тѣмъ, что есть у входа статуй пара
И «пожалѣй» поетъ съ надрывомъ граммофонъ...
Кто хочетъ посмотрѣть на блеклыя фигуры,
А всѣмъ родной прїемъ заштопанья заплатъ,
Приспособляемость и русскій путь культуры,
Въ музеѣ тотъ найдетъ — «музейный экспонатъ!».

Сергій Михѣвъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Смотрѣть въ глубь вещей, вообще, очень трудно и не всякому это удается...

Не всякому-то, не всякому, анъ, глядишь, сотруднику гомельской газеты „Полѣскій Курьеръ“ — и удалось!

И вѣдь какъ пишеть, шельмецъ — заслушаешься:

Внѣшняя индивидуальность — это пропорціональность, симметрия линий, гармонія или фисгармонія внѣшняго вида, индивидуальность психическая — это характерность, колоритъ понимать мировоззрѣнія, творчества, переживаній и чувствъ.

Образованнаго человѣка сразу видно.

Это писалъ, вѣроятно, тотъ же самый господинъ, который, какъ мы сообщали раньше, окончилъ Сень-Сирскую военную школу по классу лошади...

*

„Синій Журналъ“ сообщаетъ:

На Обводномъ каналѣ произошелъ пожаръ. Горѣли винныя склады.

Огонь бушевалъ съ невѣроятной силой. Тысячи ящиковъ съ водкой, составленныхъ въ штабеля, пылали однимъ громаднымъ костромъ. Около мѣста пожара образовалось цѣлое озеро водки, привлекая жадное вниманіе обитателей района канала.

Многіе изъ нихъ бросились къ лужамъ съ запретной жидкостью и, лежа, несмотря на угрозы пожарныхъ, принялись пить даровое лакомство.

Какъ уверяютъ газеты, „даровое лакомство“ стоитъ въ лужахъ и до сегодня.

Тутъ же „Синій Журналъ“ пишеть буквально слѣдующее:

Къ свѣдѣнію интересующихся: Обводный каналъ, 124, Трамваи №№ 8, 6, 16.

Ни одно изданіе не радѣтъ такъ о насущныхъ нуждахъ своихъ читателей, какъ „Синій Журналъ“.

Немного огорчаетъ насъ только моральный и общественный уровень этихъ читателей, которые „лежа въ лужахъ, пьютъ даровое лакомство, несмотря на угрозы пожарныхъ“...

*

Оправдывая свою работу въ „Лукоморьѣ“, Федоръ Сологубъ отошелъ далеко, далеко назадъ, взялъ большой разгонъ и разогнавшись, такимъ образомъ, написалъ въ письмѣ въ ред. такую фразу:

Статьи Бурнакина о литературѣ ничѣмъ не хуже многого, появляющагося на страницахъ нашихъ „прогрессивныхъ“ изданій.

Или Ф. Сологубъ говоритъ такъ, не прочтя ни одной изъ глупыхъ, на-рѣдкость пошлыхъ, полныхъ циничной ругани, статей г. Бурнакина, или... работа въ „Лукоморьѣ“ какой-нибудь слѣдъ на душѣ человѣческой оставляетъ.

*

Стихи изъ журнала „Сцена и Арена“.

Честь имѣю представиться!

Артистъ-танцоръ и балетмейстеръ

Въ центрѣ Россіи мало извѣстенъ,

Но на дальнемъ Востокѣ, Сибири и Уралу

Имѣю о себѣ славу немалу;

Изображаю танцами всѣ націи,

А потому имѣю успѣхъ и всюду Пролангаціи.

Сейчасъ Хабаровскъ.

„Лондонъ“.

Андр. Семен. Андреевъ.

У человѣка талантъ небольшой, но въ землю зарывать его чловѣкъ не согласенъ.

И вѣрно. А то выроетъ его кто-нибудь нечаянно — взвоетъ.

*

„Стрекозу-попрыгунью“ редактируетъ Заяцъ.

Раньше говорили: „пакостливъ, какъ кошка, трусливъ, какъ заяцъ“.

Теперь скажутъ иначе. Наоборотъ.

„Стрекозиное“ остроуміе:

Двѣ дамы въ роскошныхъ бальныхъ платьяхъ. Диалогъ:

— *За кого ты выходишь замужъ?*

— *За доктора.*

— *Завидую тебѣ: собственное „606“ будешь имѣть!*

Впрочемъ, чего же требовать отъ журнала, редактируемаго животными?

ПЬЯНАЯ ФАМИЛІЯ.

Третьи сутки сходились мы у Сивухина. Еще не войдешь, еще въ дверяхъ стоишь, а уже кричишь:

— Сивухинъ, хочешь Свѣтлосолнцева? А Звѣздича?

— Ты вдумайся: что можетъ быть очаровательнѣе Любвеобильнова?

И всѣхъ насъ расхолаживало сивухинское:

— Нѣтъ... Не ндравится...

— Сивухинъ, — говорили мы, — вы купецъ, у васъ въ вѣска въ пять саженой. Ей Богу, вамъ подойдетъ какъ нельзя лучше «Цѣнобеззапросовъ». Никакой рекламы съ такой фамиліей не надо.

— Нѣтъ... Не ндравится...

— А можетъ быть, вы остановитесь на Единеніевъ? И звучно и моменту отвѣчаетъ. Возьмите, Сивухинъ, развяжите намъ руки.

— Единеніевъ? Нѣтъ... Не ндравится...

Третьи сутки мы болѣли нехорошей болѣзью: подборомъ фамиліи Сивухину.

Сивухинъ хочетъ мѣнять фамилію, Сивухинъ находитъ, что въ настоящее время его фамилія такое нудное напоми-

наніе о чемъ-то недавнемъ и въ то же время далекомъ, что слеза прошибаетъ при одномъ взглядѣ и на магазинную вывѣску и на визитную карточку и даже на бандероль газеты, не взирая даже на то, что на послѣдней стоитъ «Севехинъ».

И вотъ Сивухинъ платитъ четвертной за новую фамилію и вотъ третій день мы ходимъ выбитыми изъ колеи, третій день мы роемся въ адресъ-календаряхъ, заглядываемъ въ энциклопедію и все думаемъ и думаемъ...

Пузыревъ на службу пересталъ ходить.

И мы надоѣли Сивухину и онъ намъ такъ противенъ, что смотрѣть на него тошно.

— Братцы, не то, не то вы придумываете! Выдумайте что-нибудь эдакое, чтобы душу мою тронуло! Чтобы меня

всего захватило. Чтобы, какъ начнешь подписываться, такъ не рука бъ твоя писала, а душа! Сама душа, чтобы!

И онъ вздохнулъ, вздохнулъ такъ, что занавѣски на окнахъ закачались...

— Вздыхаевъ! — вырвалось само собою изъ нашихъ устъ.

— Какъ-съ?

— Вздыхаевъ. Развѣ плохо?

— Вздыхаевъ... — прошепталъ Сивухинъ и даже глаза закрылъ отъ удовольствія, — Вздыхаевъ... Ахъ, братцы, какъ это вѣрно!..

На мою долю досталось 6 рублей съ четвертакомъ.

Ефграфъ Дольскій.

Рис. Миссъ.

Рис. Миссѣ.

Дива: — Чего же вы превратились въ соляной столбъ? Ступайте.

Пиколло: — Эхъ, барышня, если бы я зналъ, что вы такая, я бы эту карточку, что въ конвертѣ, замѣнилъ своей..

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятія рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Шемеле.—Реклицкій сидѣлъ въ одиночествѣ въ холодной комнатѣ и крутилъ своей рукой свои черные усы“.

Ну — хорошо, что вы именно указали, что и рука была свое и усы свои. Не укажи вы этого, мы имѣли бы полное основаніе думать, что Реклицкій рукою случайнаго прохожаго крутилъ усы своего дяди.

Ильющъ Дымоходову. — Въ стихахъ Дымоходова есть одно цѣнное качество: „Именно — подъ каждымъ произведеніемъ написано сверху: „стихи“. Это удерживаетъ читателя, могущаго принять ихъ за счетъ отъ прачки, отъ тяжелыхъ непоправимыхъ ошибокъ:

Воротнички крахмальные сверкали,
Манжеты бѣлизной сияли
И даже маленькій платочекъ
Изъ кармана выказывалъ кусочекъ.

„Я знаю, пишете вы, что на гонорарѣ за стихи далеко не уѣдешь...“
Ну, что вы! Наоборотъ, мы готовы заплатить вамъ какой угодно гонораръ, чтобы вы уѣхали подальше...

Б. Дементьеву. Здѣсь. — Мезитру. — В. Дворяшину. — Не подошло.

Б. Москва.

Адриану Беззубому. — Н. Кулинскому. — Сциллохарибдину. — Не подошло.

В. Провинція.

Томскъ. — О. З. А. — Въ своихъ стихахъ я преслѣдую, главнымъ образомъ, рѣзку и совершенство формы...“
И жестоко преслѣдуете, надо отдать вамъ справедливость.

Ст. Максимово. — Боэру. — То, что называется ювелирной работой:

„Ея чудесные глаза сверкали, какъ два изумруда въ оправѣ изъ прекраснаго розоваго лица, перерѣзаннаго парой кроваво-красныхъ губъ“...

Такое прекрасное лицо, и вдругъ его осмѣливается перерѣзывать пара какихъ-то кровавыхъ губъ!? Что за несправедливость природы.

Разрываемъ: рукопись и отношенія.

Псковъ. — Тетя Надя. — Тетя Надя спрашиваетъ: „за чѣмъ вы больше гонитесь? за прозой или за стихами?“...

За спокойствіемъ, сударыня.

Харьковъ. — А. Ме-чу. — Куда то. — Незамѣтному. — Смоленскъ. — Вѣръ Истоминой. — Воронежъ. — Д. Чивилеву. — Елисаветградъ. — Л. Зорьеву. — Все присланное не подошло.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб., съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к.
на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бывають артисты и писатели
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
НОВАЯ КНИГА.

Аркадія Бухова.

„ЖУКИ НА БУЛАВКАХЪ“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПАЕТЪ
ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

Аркадія Аверченко.

„О МАЛЕНЬКИХЪ — ДЛЯ БОЛЬШИХЪ“.

Разказы о дѣтяхъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

4-й годъ изданія

ПОДПИСКА

4-й годъ изданія

на 1916 годъ

ка ежедѣльный журналъ Сатиры и Юмора

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

52 номера богато иллюстрированного красочными рисунками и карикатурами журнала большого формата. **52**

Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей.

3 БЕЗПЛАТН. ПРЕМИИ: КРОМѢ ТОГО, ВСѢ ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ БЕЗПЛАТН. ПРЕМИИ: **3**

Одну обильно иллюстрированную книгу:

Десять лѣтъ русской конституціи. Въ звучныхъ, мѣткихъ, какъ ударъ толедской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшное и печальное, все бѣлое и черное — что произошло за эти удивительные 10 лѣтъ.

„Вѣстникъ Знанія Нового Сатирикона“. Если когда-нибудь существовало смѣннѣя въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателяхъ, какъ пеликаны о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя смѣннѣя должны съ грохотомъ пасть. Сатириконцы отгрызаютъ лучшія куски души своей и отдаютъ ихъ читателямъ: нате, кушайте! Расширеніе умственного и научнаго кругозора нашихъ читателей — суть первѣйшая забота руководителей журнала... Поэтому вниманію читателей предлагаются:

3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Нового Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.
2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остановились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значитъ нужно. И нечего тамъ разговаривать.)
3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЯ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

Театръ и все остальное. Альбомъ шаржей. Работа извѣстнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Аргисты. Критики. Рецензенты. Драматурги и проч.

NB. Незнакомыхъ или неизвѣстныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто нибудь изъ таковыхъ и попадетъ случайно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его извѣстнымъ, чѣмъ заданіе и будетъ выполнено.

Журналъ „Новый Сатириконтъ“ будетъ выходить при слѣдующемъ составѣ сотрудниковъ.

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Н. Альтманъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, Н. Билибинъ, Н. Герардовъ, Гранди, Григорьевъ, М. Добуженскій, М. И. Ивашинцева, Б. Кустодіевъ, Кузнецовъ, В. Лебедевъ, Миссъ, Дм. Митрохинъ, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), Н. Радловъ, А. Спасскій, Судейкинъ, С. Чехонинъ, О. Шарлеманъ, А. Юнгертъ (Баянъ), А. Яковлевъ и др.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко, В. Азовъ, А. Антиповъ (А. Зарницынъ), Ал. Буяшевъ, А. Буховъ, Л. М. Василевскій, Вл. Винкертъ, Ал. Вознесенскій, Евг. Вѣнскій, А. С. Гринъ, И. Гуревичъ, Вал. Горянский, Осипъ Дымовъ, Е. Дольскій, А. Измайловъ, Красный, А. И. Купринъ, А. П. Каменскій, Г. Ландау, К. Милль (Полярный), Сергій Михѣевъ, Мандельштамъ, Моравская, О. Л. Д'Оръ, Иванъ Куз. Прутковъ, П. Потемкинъ, А. Радаковъ, Борисъ Садовскій, гр. Алексій Толстой, Тэффи, Н. Топузъ, Георгій Чулковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки 6 р. 80 коп., съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи: на годъ **8 руб.**, на 1/2 года **4 руб.**, на 3 мѣс. **2 руб.**, на 1 мѣс. **70 коп.**

За границу: на годъ **12 руб.**, на 1/2 года **6 руб.**, на 3 мѣс. **3 руб.**, на 1 мѣс. **1 руб.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ **3 р.**, къ 1 мая **2 р.**, къ 1 июля и 1 сент. по **1 р. 50 к.**

ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНЫХЪ подписокъ устанавливается особо льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ **2 руб.** и ежемѣсячно каждое 1-ое число по **50 коп.**

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88. Тел. 59-07.

Редакторъ:

Аркадій Аверченко.

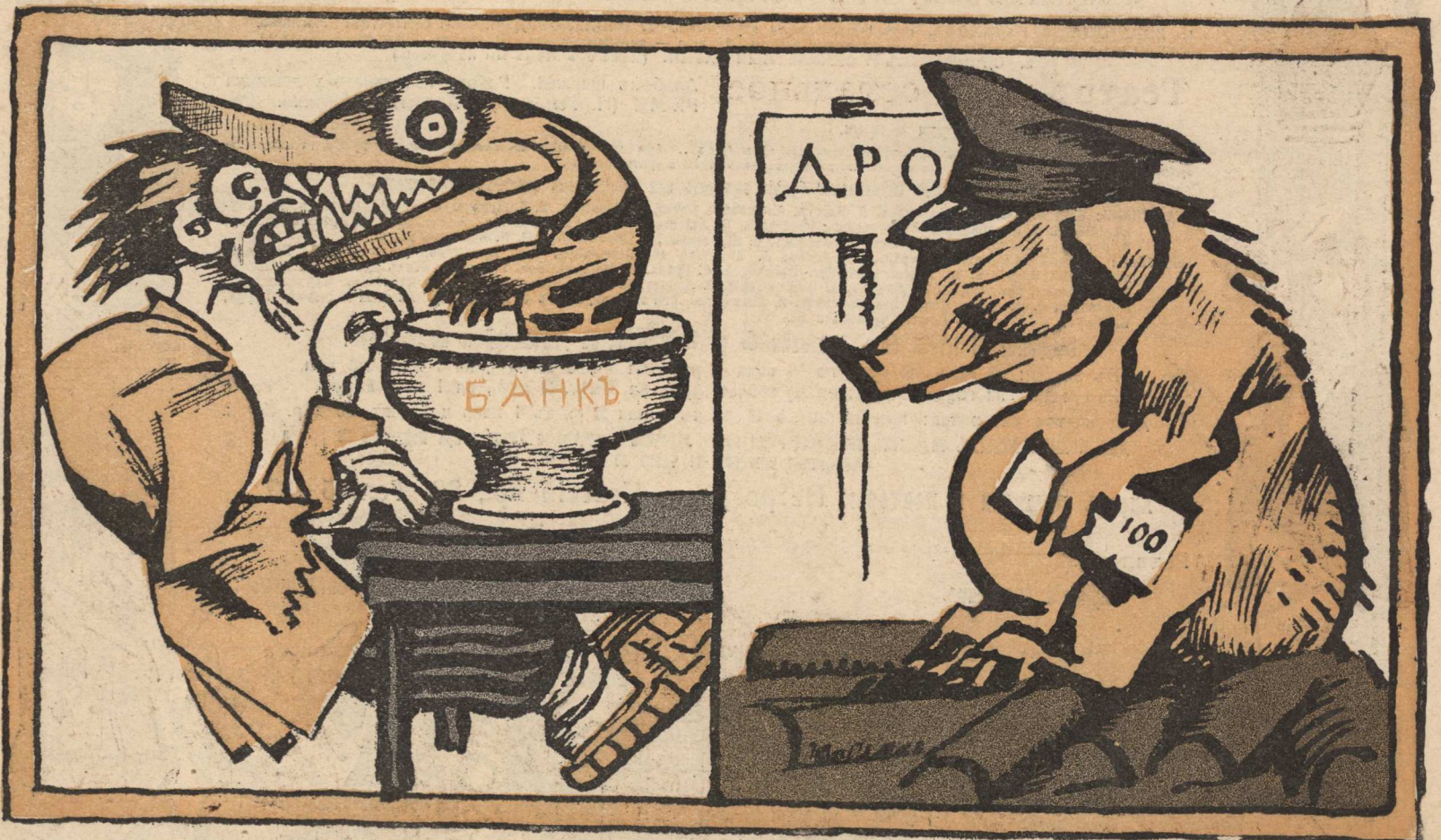
Издатель:

Т-во „Новый Сатириконтъ“.

Ворона и Лисица.

Глупая черносотенная ворона на землѣ, а лисица на деревѣ и сыра не роняетъ.

Демьянова уха.

Не Демьянъ ѣстъ уху, а уха ѣстъ Демьяна.

Свинья подъ дубомъ.

Не свинья подъ дубомъ, а дубъ подъ свиньею.